

© 2020 г.

Д.В. ИВАНОВ

ДОПОЛНЕННАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ: ЭФФЕКТЫ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТВИРТУАЛИЗАЦИИ

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (dvi1967@gmail.com).

Аннотация. В статье представлен новый подход к концептуализации социальных изменений. Дискурсы постмодерна и глобализации переживают кризис. Постмодернистский «конец социального» не наступил, а результатом глобализации становится не «всемирное общество», а сеть суперурбанизированных анклавов глобальности, где интенсивные материальные, символические и человеческие потоки делают социальную жизнь сверхнасыщенной, контрастирующей с упадком социальной жизни в малых городах и селах. Развитие мегаполисов как точек доступа к сетям и потокам – это тенденция постглобализации. Одновременно возникает тенденция поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности, но становится более интенсивной и принимает формы, которые можно охарактеризовать как «дополненную современность». Метафора дополненной реальности становится эффективным инструментом анализа там, где происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования.

Ключевые слова: дополненная современность • постглобализация • поствиртуализация • социальное развитие

DOI: 10.31857/S013216250009397-9

Введение: кризис дискурсов постмодерна и глобализации. В современной социологии наметился застой в концептуализации социальных изменений. Общим местом в научных трудах и публицистике являются утверждения о как никогда быстрых и масштабных изменениях, однако при этом с конца XX в., когда новыми парадигмами изменений стали теории постмодерна и глобализация, в теоретической социологии не возникает принципиально новых концепций социальных изменений.

Идеи конца современности, «смерти социального», постмодерна как наступающей эпохи ризом и симулякров [Lyotard, 1979; Deleuze, Guattari, 1980; Baudrillard, 1981; 1983] оказали в 1980–1990-х гг. сильное воздействие на социологическое сообщество, столкнувшееся с тенденциями упадка, фрагментации и трансформации привычных структур индустриального массового общества. Однако постмодернистские концепции конца современности и исчезновения социальной реальности предполагают и исчезновение

предмета социологии, с чем большинство социологического сообщества не согласно и выбрало потому иной способ концептуализации новых тенденций. С конца 1990-х гг. доминирующую парадигму социальных изменений сформировали идеи возникновения глобальной социальности и перехода к глобальной современности [Robertson, 1990; 1992; 1995; Giddens, 1990; Waters, 1995; Appadurai, 1996; Beck, 1997].

Социологи открыли для себя феномен глобализации как сквозную тему и «общий знаменатель» всех социальных явлений и процессов. Уже само по себе рассмотрение сквозь призму глобализации привычных объектов исследовательского интереса или простая увязка тематики исследований с дискурсом глобализации обещали и снятие постмодернистской угрозы «исчезновения» социальной реальности, и новизну научных проблем, и перспективность их решений во всем диапазоне предмета социологии – от развития мировой системы до смысла повседневных практик. Как результат, дискурс глобализации потеснил концепции постмодерна и стал абсолютно доминирующим в социологических публикациях. Количество социологических статей на тему «глобализация», опубликованных в течение года в изданиях, индексируемых в базе данных Web of Science Core Collection, быстро росло на протяжении 20 лет. Однако после 2009 г. тренд «надломился» и рост числа публикаций остановился (рис. 1).

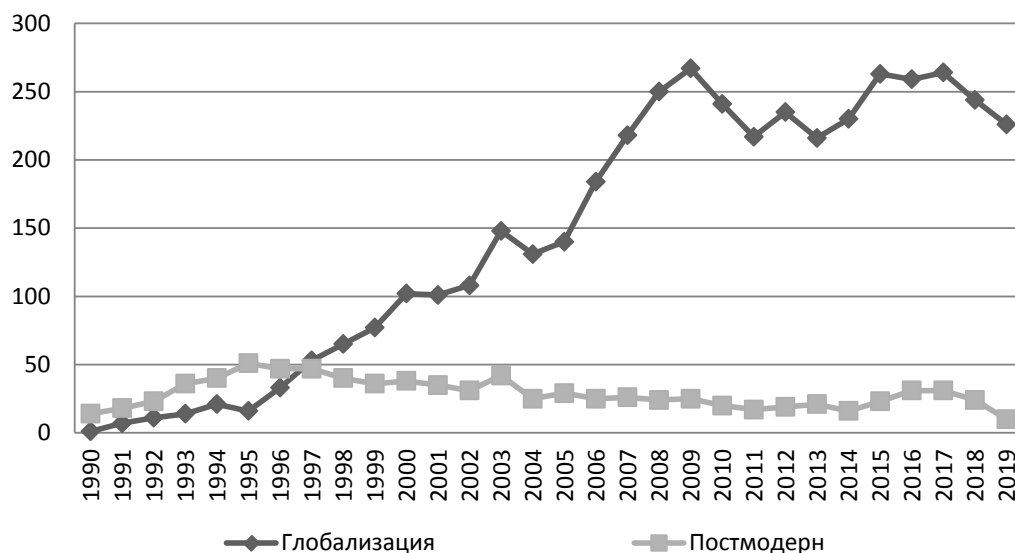

Рис. 1. Динамика статей по социологии по темам постмодерна и глобализации в базе WoS Core Collection

Источник: расчеты автора на основе данных наукометрической базы Web of Science на 03.01.2020 г. (www.webofknowledge.com).

Наблюдаемое изменение динамики интереса социологического сообщества к теме глобализации можно считать симптомом кризиса глобализационной парадигмы. Применение парадигмы ведет лишь к воспроизводству принятого в научном сообществе дискурса, но не дает ощутимо новых исследовательских результатов и не позволяет изучать тенденции социальных изменений, не вписывающихся в рамки концепций становления «всемирного общества» и «глобальной социальности».

Постглобализация: от построения всемирного общества к анклавам глобальности.

Преодоление этого парадигмального кризиса следует начать с признания элементарного факта: глобализация оказалась не тем, чем казалась 30 лет назад. Не сложилась глобальная современность: нет распространения на весь мир социальных структур современности –

институтов развитого индустриального общества [Giddens, 1990]. Не сформировалась глобальная социальность: нет превращения мира в единое, избавленное от национально-государственных и этнокультурных барьеров социальное пространство [Robertson, 1990; 1992]. Вместо глобальной современности, глобальной социальности наблюдаемые тенденции изменений привели к образованию анклавов глобальности, где новая, «обогащенная» социальность создается сетями и потоками, и к нарастанию разрывов между этими анклавами и остальными территориями и сообществами, где даже привычная социальность индустриальной эпохи становится «истощенной».

Сейчас можно выделить три тенденции, показывающие, что дискурс глобализации себя исчерпал, что мир как единое социоструктурное и социокультурное пространство не состоялся и социальные изменения теперь правильнее рассматривать как *постглобализацию*. Во-первых, происходит локализация глобальности в нескольких сотнях мегаполисов, объединяемых идущими через национальные границы материальными, людскими, информационными потоками. Только здесь глобальная, то есть не связанная пространственными ограничениями, национально-государственными и этнокультурными барьерами, социальность стала реальностью для людей, имеющих повседневный опыт транснациональной, мобильной и мультикультурной жизни.

Во-вторых, нарастают разрывы в уровне, качестве, стиле жизни между анклавами глобальности, образующимися в мегаполисах, остальными территориями и сообществами. По возможностям получить доступ к социально значимым ресурсам (источникам дохода, рабочим местам, инфраструктуре, институтам и сервисам, общению, групповой поддержке) анклавы глобальности существенно превосходят даже те социальные пространства, которые непосредственно окружают мегаполисы, а условия жизни в отдаленных городах и селах, не вовлеченных в сети и потоки, настолько радикально отличаются, что делают их внеглобальными или антиглобальными социальными пространствами.

В-третьих, все более популярными становятся политические движения и политические проекты, нацеленные на отстаивание «национального суверенитета», «национальных интересов», «национальной идентичности», на ограничение влияния транснациональных сетей и возведение барьеров на пути «чужих» и «нежелательных» потоков. С социологической точки зрения этот поворот к национал-популизму в политике вызван стремлением защитить привычную территориальную социальность, возникающую на основе местных интеракций и институтов национального государства, и подавить новую детерриториальную социальность, возникающую в виде сетевых и потоковых структур. Столкновение двух типов социальности находит свое выражение в торговых, санкционных, информационных войнах, когда блокируются иностранные товарные, людские и информационные потоки и каналы. Яркими воплощениями этой тенденции стали антимигрантские стены, возводимые американским президентом Д. Трампом и венгерским премьер-министром В. Орбаном, Brexit – выход Великобритании из ЕС, а в первые месяцы 2020 г. – карантинные меры против распространения коронавируса COVID-19.

Если ожидавшееся теоретиками глобализации планетарное распространение социальных структур развитого индустриализма – институтов и интеракций – не происходит больше, если то, что обычно именуется «глобализацией», – это лишь локализованное в сети мегаполисов замещение привычных структур интенсивными потоками [Appadurai, 1990; Castells, 2000], провоцирующее возникновение все новых разрывов и барьеров в современных обществах, то социальные изменения нужно концептуализировать иначе. Дискурс глобализации можно оставить историкам социологии, а теоретикам следует выстраивать новые концепции на базе тенденций, пришедших на смену глобализационному буму конца прошлого века.

Локализация глобальности в суперурбанизированных анклавах – парадоксальный процесс, в ходе которого мегаполисы становятся основными генераторами сетевых и потоковых структур, а для людей, все больше стремящихся жить в мегаполисах, – точками доступа к сетям и потокам ресурсов. Развитие мегаполисов в особый социоструктурный

и социокультурный феномен можно назвать суперурбанизацией, чтобы отличать этот процесс, являющийся компонентом глобализации и ее перехода в постглобализацию, от урбанизации двух прошлых столетий, которая была одним из ключевых компонентов модернизации общества. Мир перешел из фазы просто урбанизации в фазу суперурбанизации около 2010 г., когда численность горожан превысила 50% мирового населения. Согласно регулярно публикуемым докладом ООН об урбанизации, в 1950 г. в мире насчитывалось 6 городов с населением свыше 5 млн человек, к 2010 г. число таких городов выросло до 60 и к 2018 г. – до 81 [United Nations, 2014; 2018]. Если добавить к мегагородам (с населением свыше 10 млн) и крупным городам (от 5 до 10 млн) еще 467 «средних» (по принятой в ООН терминологии) городов (от 1 до 5 млн жителей), окажется, что в этих пяти с половиной сотнях суперурбанизированных центров сконцентрирована почти половина (43%) городского населения и 23% населения планеты.

Население таких суперурбанизированных центров, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон, Париж, Токио, Гонконг, Шанхай, Москва, Стамбул, Сеул, и других мегаполисов, связанных трансграничными материальными, символическими, людскими потоками, с точки зрения условий жизни отрывается от остальных территорий и сообществ, сельских и городских. По данным исследования Института Брукинса, в 300 крупнейших городах проживает 20% населения планеты, но при этом производится около 50% мирового ВВП [Brookings, 2012; 2018]. Другое исследование, проведенное под эгидой консалтинговой компании McKinsey, дало сходные результаты: 600 крупнейших городских экономик концентрируют 22% мирового населения и обеспечивают более 50% мирового ВВП [McKinsey..., 2011]. Суперурбанизированные территории по показателям производительности в подавляющем большинстве случаев существенно опережают национальные экономики, частью которых являются. И тем самым суперурбанизация открывает новое измерение неравенства – разрыв между суперурбанизированными точками доступа к ресурсам, где шансы на благополучную жизнь выше, и окружающими территориями, где сети социально-экономических связей и потоки ресурсов не образуют таких плотных, насыщенных структур или вовсе отсутствуют.

Отрываясь от окружающих их территорий и сообществ по условиям и образу жизни, суперурбанизированные анклавы глобальности начинают резко отличаться и по ценностным ориентациям и политическим интересам большинства своего населения. Как следствие, нарастают противоречия и возникают конфликты между анклавами глобальности и национально-государственными институтами. Яркими примерами конфликтов, когда образ жизни и политические интересы в крупнейших городах сталкиваются с ценностями остального населения страны и нормативными системами, поддерживаемыми национальным государством, стали в 2016 г. плебисцит по вопросу выхода Великобритании из ЕС и президентские выборы в США, а в 2019 г. – массовые протесты в Гонконге против роста контроля китайского государства над этим анклавом глобальности.

Статистика голосования в случае Brexit'a и в случае избрания Трампа четко указывает на то, что избиратели в маленьких городах и сельской местности, меньше вовлеченные в транснациональные сетевые и потоковые структуры, чаще голосовали против неоллиберальной и глобалистской политической повестки, которую с энтузиазмом поддерживают жители мегаполисов. Этнокультурный состав, образ жизни, ценностные ориентации жителей Лондона мотивировали их в большинстве случаев голосовать против выхода из ЕС так же, как и жителей Нью-Йорка и Лос-Анджелеса – против Трампа. Крупные города (с населением в 5–10 млн человек) и мегагорода (свыше 10 млн жителей) оказались более космополитичными и либеральными, чем консервативное большинство нации, рассеянное по множеству «захудалых местечек». Апелляции к «национальным интересам» в противовес глобализации консолидировали практически половину избирателей, и социокультурный контраст между очагами глобализации и окружающей их нацией, живущей по нормам ушедшей индустриализации и модернизации, превратился в политическое противостояние равновеликих сил.

В Гонконге, где уровень и качество жизни многократно превосходят показатели материкового Китая, с весны по осень 2019 г. прошли массовые демонстрации протеста, забастовки и столкновения с полицией, вызванные попытками распространить нормы национально-государственного правового режима на этот анклав глобальности. Уже в ходе протестов возникли требования отставки назначенного центральным правительством главы автономии и предоставления жителям Гонконга права самим избирать местную администрацию. В акциях протеста участвовали сотни тысяч человек. Уровень протестной мобилизации достиг рекордного значения на митинге 18 августа, в котором участвовали свыше 1,5 млн человек, – порядка 20% населения Гонконга. Правительство КНР стянуло к административной границе с автономией полицейские силы и попыталось частично закрыть в Гонконг въезд для нежелательных иностранцев и запретить заход судов из стран, чьи правительства поддержали протестующих. Однако попытка распространить на анклав глобальности действие национально-государственных институтов не удалась. Протесты привели фактически к сохранению статус-кво, установившемуся в 1990-х гг. по формуле, провозглашенной тогдашним лидером КНР Дэн Сяопином при передаче Гонконга под китайский суверенитет: «одна страна, две системы».

Голосование в Лондоне против Brexit'a, в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке – против Трампа, протесты в Гонконге – это отдельные кейсы, выявляющие общую тенденцию: суперурбанизированные территории не только экономически живут в своей особой реальности, но и социокультурно и политически отделяются от социальной реальности, которая со времен модернизации поддерживается на территории каждой страны институтами национального государства.

Процессы роста и автономизации специфических социальных структур в мегаполисах наглядно показывают, что парадоксальным образом термин «глобальное» теперь означает не нечто планетарное, а нечто локальное, но со свойствами глобальности. Надежды и страхи в отношении глобализации, обещающей структурную гомогенность и культурную унификацию всех социальных пространств, больше не актуальны. Предмет изучения так называемой глобальной социологии – это сейчас фактически не тотальность обществ и отношений между ними, а сети (г)локальностей, конституируемых транснациональными/транслокальными потоками. Актуальным становится исследование постглобализации как серии процессов превращения глобализации в локализацию глобальности, а также возникновения разрывов и контрастов между насыщенной, обогащенной во всех смыслах социальностью в суперурбанизированных анклавах и обедненной, истощенной социальностью в малых городах и сельской местности. Популярное в социологическом и экономическом дискурсах различение «ядра» и «периферии» мирового социально-экономического порядка приобретает теперь совершенно иной смысл. «Ядро» становится распределенным, рассеянным в сетях, образуемых пятью сотнями космополитических суперурбанизированных анклавов глобальности. И основные перспективы социального развития, как и основные социальные проблемы, определяются теперь процессами в этих очагах или эпицентрах новых форм социальности.

Поствиртуализация: от виртуальной социальности к обществу дополненной реальности. Мегаполисы, притягивающие ресурсы всех видов, а главное – человеческие ресурсы, и генерирующие новые социальные структуры – сетевые и потоковые, становятся центрами создания и распространения новой социальности. Новизна ее определяется тем, что концентрация, пересечение разнообразных сетей и потоков, их проникновение в зоны привычных интеракций и институтов приводят к эффектам, которые обобщенно можно назвать возникновением дополненной социальной реальности. Социальная жизнь в точках доступа к транснациональным/транслокальным сетям и потокам материальных, символических, человеческих и технологических ресурсов превращается в насыщенное киберфизическим опытом существование в режиме дополненной реальности (*augmented reality*). Метафора дополненной реальности становится уместным теоретическим концептом и эффективным аналитическим инструментом, поскольку социальные изменения

последних 10–15 лет внутри анклавов глобальности ведут к сдвигу от виртуализации социальной жизни к тенденциям поствиртуализации.

Виртуализация – это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX в. оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем господствовавшие в обществе со времен модернизации институты и интеракции [Иванов, 1999]. Виртуализация общества привела к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры.

Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим на рубеже XX и XXI вв., однако ближе к середине нового столетия виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. Большинство населения погружено в виртуальную реальность образов и коммуникаций. Об этом можно судить, например, по данным регулярно проводимых опросов населения. Результаты проведенного в январе 2020 г. опроса Фонда общественного мнения (ФОМ) свидетельствуют, что суточная аудитория Интернета составляет 70% взрослого населения России, а доля тех, кто им не пользуется совсем, составляет лишь 21%¹. Практически такое же соотношение между постоянными пользователями и не использующими Интернет совсем можно видеть в результатах, еженедельно получаемых другой «опросной машиной» – Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ)².

Виртуализация стала социокультурной рутинной для большинства, но есть новые «цифровые» разрывы: разные поколения живут в разных виртуальных реальностях. В России доминирующим инструментом виртуализации общества остается телевидение. По данным опроса ФОМ, 65% взрослого населения назвали ТВ среди своих источников информации, интернет-сайты – 42%, блоги, форумы, социальные сети – 21%³. При этом интернет-сайты назвали среди источников новостей 59% респондентов в возрасте 18–30 лет и только 19% в возрастной группе 60+. Форумы, блоги, социальные сети источником новостей считают для себя 43% молодых и лишь 5% пожилых респондентов. Обратную картину можно наблюдать в отношении ТВ, которое является источником новостей для чуть более трети 18–30-летних (39% назвали этот источник информации) и которое абсолютно важно для тех, чей возраст перевалил за 60 лет (89% назвавших это СМИ). Таким образом, молодежь ведет свою социальную жизнь больше в виртуальной реальности, созданной при помощи новых цифровых технологий. Старшее поколение погружено в виртуальную реальность, создаваемую при помощи более традиционных СМИ.

Свидетельством погружения в разные виртуальные реальности и ценностного и поведенческого разрыва между поколениями в нашей стране является также то, что реальная демографическая структура России не совпадает с демографической структурой социальных сетей, функционирующих в Интернете. Например, в самой популярной в последние годы сети «ВКонтакте» число аккаунтов, в которых указан возраст от 35 лет и выше, меньше реального количества людей среднего и старшего возраста, а число аккаунтов с указанным возрастом от 14 до 25 лет существенно превышает реальную численность молодежи. И этот разрыв между реальным и виртуальным населением увеличивается (рис. 2).

---

¹ Источники информации: телевидение // ФОМ. 2020. 30 января. URL: <https://fom.ru/SMI-internet/14337> (дата обращения: 09.03.2020).

² Пользование Интернетом // ВЦИОМ. 2020. 03 марта. URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 09.03.2020).

³ Источники информации: телевидение // ФОМ. 2020. 30 января. URL: <https://fom.ru/SMI-internet/14337> (дата обращения: 09.03.2020).

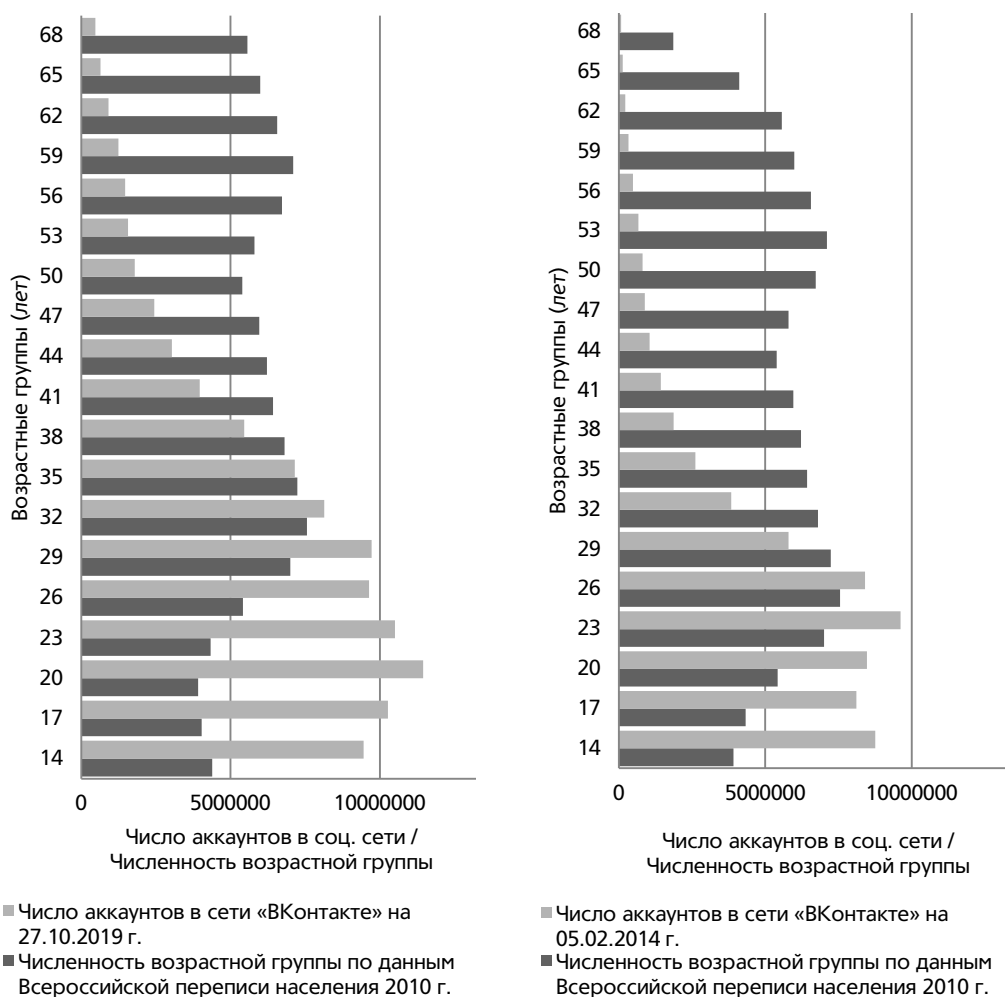

Рис. 2. Соотношение реального и виртуального населения в России

Источник: данные Росстата и собственные расчеты автора на основе данных с сайта «ВКонтакте».

Этот парадокс объясняется тем, что участие в коммуникациях от лица множества виртуальных персонажей, эксперименты с множественными и изменчивыми идентичностями, создание ботов (алгоритмов симуляции общения с реальным человеком) в социальных сетях являются обычными практиками новых поколений. Для представителей поколений, обозначаемых в маркетинге и публицистике как «игрек» (Y) и «зет» (Z), которые родились соответственно в 1980–1990-х и в 2000–2010-х гг. и освоили в раннем детстве цифровые гаджеты и жизнь в коммуникационных сетях, технологии виртуализации общества являются привычным подручным средством, а не целью или показателем личностного и социального развития. Генерируя и используя цифровой контент от лица множества реальных и виртуальных акторов, молодежь играет решающую роль в нарастающем перепроизводстве образов и коммуникаций.

Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится физическое присутствие, тактильность, «аналоговый» опыт в противовес «цифровой» трансформации. Этот ценностный сдвиг порождает тенденции

поствиртуализации. В крупных городах, где жизнь погружена в плотные сети и интенсивные потоки, виртуализация предстает уже историей и бытом предшествующего поколения. Здесь сначала активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены все чаще создают публичные пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью.

Точки доступа к реальности возникают там, где заброшенные постройки индустриальной эпохи переделываются в креативные пространства, где люди «цифровой» эпохи находят возможность подвижного досуга, живого общения, получения знания «из первых рук» от популярных лекторов и на мастер-классах по изготовлению вещей своими руками, а также гастрономического опыта на грани экзотической кухни и стрит-фуда. Другим типом точки доступа к реальности в постиндустриальном городе становятся коворкинги, где активные люди с идеями и цифровыми устройствами находят место для реализации проектов и встречаются реальных единомышленников для рабочих команд. Эта же логика предоставления доступа к реальности заложена во множестве возникших в последние годы интерактивных выставок и музеев, фирм, организующих квесты, контактных зоопарков и котокафе и т.п.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечения, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговый» опыт и «цифровую» трансформацию, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей насыщенный киберфизический опыт современных горожан предстает как социальная жизнь в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Эти тенденции представляют собой поворот к поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [Lyotard, 1979; Baudrillard, 1981; 1983], но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (*augmented modernity*).

Дополненная современность: новые перспективы и проблемы социального развития. В объединенной перспективе постглобализации и поствиртуализации социальные изменения последних 10–15 лет выглядят как движение к формированию общества дополненной современности. Привычные со времен модернизации структуры – институты и интеракции, не исчезают, а совмещаются с вновь возникающими сетями и потоками. Социальность теперь представлена в конфигурации разных структур, выступающих в качестве альтернативных форм координации и организации совместной жизни людей. Возросшая множественность, конкуренция и взаимопроникновение социальных структур создают новые проблемы и открывают новые перспективы социального развития.

Устремляясь в мегаполисы, чтобы попасть в точки доступа к ресурсам, а внутри мегаполисов стремясь в точки доступа к реальности, люди из различных условий множественных современностей (*multiple modernities*) попадают в дополненную современность.

Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в крупных городах и мегагородах все больше контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, которые теряют ресурсы, в первую очередь человеческие, «вымываемые» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого «социального государства» (*welfare state*), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, и уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, приводит к «истощению» социальности.

Результатом глобализации, по мысли ведущих социальных теоретиков [Giddens, 1990; Robertson, 1992], должно было стать повсеместное распространение и умножение форм социальности, порожденных модернизацией, и возникновение глобальной современности (*global modernity*). Однако сейчас, в ситуации постглобализации можно наблюдать скорее локализованное возникновение более интенсивной социальной жизни в режиме дополненной современности (*augmented modernity*), тогда как за пределами суперурбанизированных анклавов такой дополненной современности заметна тенденция упадка социальных структур современности и перехода социальной жизни в режим истощенной современности (*exhausted modernity*).

Вызовы постглобализации и поствиртуализации привычным моделям социального развития, связанным с институтами индустриального общества и национального государства, определяются не только концентрацией богатства, власти и культурного доминирования в суперурбанизированных анклавах дополненной современности. В сравнении со странами, к которым они принадлежат, в крупнейших городах выше уровень экономического развития и в то же время выше уровень неравенства [Ivanov, 2016].

Сочетание относительно высоких уровней как экономического развития, так и социального неравенства указывает на то, что в анклавах дополненной современности неравенство представлено в двух его современных формах: исключенность и неодинаковая включенность. Жители малых городов и деревень автоматически лишаются доступа ко многим социальным благам, поскольку исключены из тех социальных процессов и структур, которые образуются потоками ресурсов внутри сетей крупных городов и мегагородов. Однако большинство жителей суперурбанизированных анклавов, вовлеченных в такие потоки, оказывается в условиях еще большего и изощренного неравенства, так как социальная включенность для них означает участие в качестве дискриминируемых в новейших формах – сетевых и потоковых структурах – неравенства постиндустриального капитализма.

Люди мигрируют в крупные города и мегагорода в стремлении получить шанс повысить уровень и качество своей жизни. Но в суперурбанизированных анклавах они попадают не в двумерное социальное пространство, где благополучие измеряется как *уровень жизни* (уровень дохода или объем потребления в калориях, килограммах, штуках и т.п.) и как *качество жизни* (доступность социальных сервисов – образования и здравоохранения, и комфортной социальной среды – экологичной и безопасной), а в трехмерное, где формируется еще одно измерение социального развития и благополучия – *наполненность жизни*. Если уровень жизни и качество жизни связаны с эффективной встроенностью в социальные институты и интеракции, то наполненность жизни достигается активной вовлеченностью и лидерством в сетевых и потоковых структурах, что открывает доступ к высокотехнологичным и имиджевым благам, к насыщенному социокультурному опыту и мобильности. Наполненность жизни измеряется насыщенностью личного опыта участием в потребительских и социокультурных трендах, креативностью и мобильностью деятельности, а в общем, плотностью сетей и интенсивностью потоков, структурирующих текущее существование людей в режиме дополненной социальной реальности.

Разрыв в уровне, качестве и наполненности жизни между суперурбанизированными анклавами, остальными территориями и сообществами кардинально меняет динамику социального развития по обе стороны этого разрыва. Возникают два типа социальности, две разные современности. Поскольку в условиях постглобализации и поствиртуализации

«ядро» социально-экономического развития «рассеяно» в сетях анклавов дополненной современности, перспективы социального развития обществ, традиционно структурированных и контролируемых национальными государствами, зависят от числа, размеров и влияния космополитичных мегаполисов, которые притягивают и генерируют потоки ресурсов. Анклавы дополненной современности создают для национально-государственных бюрократий проблемы и неудобства, поскольку сетевые и потоковые структуры пронизывают национальные границы, ускользают из-под контроля и создают нормативную альтернативу и конкуренцию привычно управляемым институтам.

Среди очевидных социальных проблем, создаваемых или усиливаемых ростом суперурбанизированных анклавов дополненной современности, можно назвать перенаселение, ведущее к множественным конфликтам в борьбе за пространство и инфраструктурные ресурсы; экологическую нагрузку, выражающуюся в загрязнении городской среды и в растущих потоках отходов на прилегающие территории; эпидемиологические риски.

Возникший в начале 2020 г. кризис, вызванный вспышкой коронавируса, во всей полноте выявил эффекты постглобализации и роль суперурбанизированных очагов и связывающих эти очаги сетевых и потоковых структур. В публицистических и административных дискурсах распространение новой инфекции предстает «глобальным», однако из 1,727 млн зафиксированных в мире на 11.04.2020 случаев заболевания практически 79% приходится всего на 10 стран (данные доступны на сайте www.worldometers.info), а в них 20% всех случаев сконцентрированы в 10 мегаполисах. По данным, публикуемым в Интернете национальными информагентствами, на 11.04.2020 больше всего случаев было зафиксировано в городах Нью-Йорк (США, 8 млн жителей) – 94,4 тыс. заболевших, Ухань (КНР, 12 млн) – 50 тыс., Мадрид (Испания, 3 млн) – 45,8 тыс., Лондон (Великобритания, 8,9 млн) – 16 тыс., Тегеран (Иран, 8,8 млн) – 15 тыс., Милан (Италия, 1,4 млн) – 13,2 тыс.; еще в четырех мегаполисах – Париже, Стамбуле, Чикаго, Барселоне было зафиксировано примерно по 12 тыс. случаев.

Закрытие в условиях карантина публичных пространств и введение ограничений на передвижение привели к более интенсивному использованию дистанционных форм работы, общения, обучения и развлечений. Однако этот кризисный тренд виртуализации социальной жизни уже вызывает стресс в мегаполисах, и стихийной реакцией становятся доступные практики физического и коллективного действия: итальянцы музицируют на балконах многоквартирных домов, французы устраивают флэш-мобы аплодисментов и т.п. В перспективе продолжения периода карантинных мер и нарастания усталости и недовольства вынужденной виртуализацией можно ожидать проявления более сильных эффектов поствиртуализации.

Суперурбанизированные анклавы дополненной современности выступают главными генераторами социальных проблем, но и перспективные решения возникающих проблем, в том числе проблемы истощения социальности за пределами мегаполисов, также генерируются в основном в этих анклавах. Там, например, возникают движения урбанистов, стремящихся гармонизировать городскую среду на основе баланса разных социальных структур; движения дауншифтеров и экопоселений, ориентированных на жизнь вне мегаполисов, но с сохранением сетевых и потоковых структур, связывающих с суперурбанизированными точками доступа к ресурсам. Поскольку новые социальные структуры и, следовательно, потенциал развития создаются в основном в крупных городах и мегагородах, постольку национальные государства зависят от транснациональных/транслокальных структур и космополитичных узлов этих структур в решении проблем социального развития, включая проблемы достижения бесконфликтного сосуществования традиционных и новых форм социальности и проблемы регенерации социальной жизни в зонах истощенной современности.

В контексте описанных выше тенденций социальных изменений можно выделить три парадигмальные модели социального развития – две традиционно доминирующие в социальных науках и одну перспективную:

– *уровень жизни*, достигаемый через максимизацию производства и потребления и вычисляемый в таких индексах, как ВВП на душу населения;

– качество жизни, достигаемое в соединении объема потребления, доступности социальных сервисов (здравоохранения, образования и т.п.), комфортности среды (природной и социальной) и вычисляемое в таких индексах, как Индекс человеческого развития ООН и Индекс лучшей жизни, созданный под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития;

– наполненность жизни, достигаемая соединением качества жизни и включенности, мобильности, креативности в сетях и потоках современного общества.

Для оценки наполненности жизни требуются новые индексы, отражающие специфику нынешнего общества как общества суперурбанизации, общества сетей и потоков, общества дополненной реальности. Эти индикаторы развития должны быть дополнены показателями наполненности жизни с использованием данных о мобильности населения, информационных потоках и сетевой активности пользователей Интернета в суперурбанизированных анклавах дополненной современности и в зонах истощенной современности.

Анализ тенденций постглобализации и поствиртуализации показывает, что потенциал социального развития теперь заключается в структурах дополненной социальной реальности; распределен потенциал развития по миру не так, как это было в период модернизации и первоначальной глобализации в неолиберальном ключе. Наблюдаемые эффекты постглобализации и поствиртуализации заставляют переосмыслить как роль национально-государственных институтов, так и роль транснациональных и транслокальных сетевых и потоковых структур, возникающих в суперурбанизированных анклавах дополненной современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Иванов Д.В. Критическая теория и виртуализация общества // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 32–40. [Ivanov D.V. (1999) Critical Theory and Virtualization of Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 32–40. (In Russ.)].
- Appadurai A. (1990) Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. In: Featherstone M. (ed.) *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. London: SAGE Publications: 295–310.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Baudrillard J. (1983) *In the Shadow of the Silent Majorities, or The End of the Social and other Essays*. New York: Semiotext(e).
- Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation* [Simulacra and Simulation]. Paris: Galilée. (In Fr.)
- Beck U. (1997) *Was ist Globalisierung?* [What is Globalization?] Frankfurt a. M.: Suhrkamp. (In Germ.)
- Castells M. (2000) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Deleuze G., Guattari F. (1980) *Mille plateau* [Thousand Trays]. Paris: Minuit. (In Fr.)
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Ivanov D. (2016) New Forms of Inequality and the Structures of Glam-Capitalism. *Social Evolution & History*. Vol. 15. No. 2: 25–49.
- Lyotard J.-F. (1979) *La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir* [The Postmodern Condition: A Report on Knowledge]. Paris: Minuit. (In Fr.)
- McKinsey Global Institute. (2011) *Urban World: Mapping the Economic Power of Cities*. New York: McKinsey & Company.
- Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications.
- Robertson R. (1995) Globalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds) *Global Modernities*. London: SAGE Publications: 25–44.
- Robertson R. (1990) Mapping the Global Condition: Globalization as a Central Concept. *Theory, Culture & Society*. Vol. 7. No. 2: 15–30.
- The Brookings Institution. (2012) In: *Global Metro Monitor: Slowdown, Recovery*. Metropolitan Policy Program. Washington, DC: Brookings.
- The Brookings Institution. (2018) *Global Metro Monitor 2018*. Metropolitan Policy Program at Brookings. Washington, DC: Brookings.
- United Nations. (2014) In: *World Urbanization Prospects 2014*. New York: UN DESA.
- United Nations. (2018) In: *World Urbanization Prospects 2018*. Highlights. New York: UN DESA.
- Waters M. (1995) *Globalization*. London: Routledge.

AUGMENTED MODERNITY: EFFECTS OF POST-GLOBALIZATION AND POST-VIRTUALIZATION

IVANOV D.V.

Saint Petersburg State University, Russia

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (dvi1967@gmail.com).

Acknowledgements. The paper is supported by RFBR, project No. 18-18-00132.

Abstract. The article is presenting a new approach to conceptualization of social change. Discourses of the postmodern and globalization are in crisis. Postmodernist 'the end of the social' did not come and globalization resulted not in the 'world society' but in the networked super-urban enclaves of globality where flows of things, symbols, and humans made social life super-intensive and contrasting with the social life decline in surrounding towns and rural areas. Development of megacities as points of access to networks and flows is a tendency of post-globalization. At the same time, reality of post-virtualization arises because after virtualization of social reality this reality does not disappear, as postmodernists presupposed, but it is becoming more intensive and taking forms which can be characterized as 'augmented modernity'. Metaphor of augmented reality becomes an effective tool of analysis in places where different social realities are mutually penetrating and where physical and digital, material and symbolic, private and public, production and consumption components of human existence are mixed and integrated.

Keywords: augmented modernity, post-globalization, post-virtualization, social development.

Received: 16.03.20. Accepted: 10.04.20.